

НАША СТРАНА

Год издания 76-й. Буэнос Айрес, 8 июня 2024

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 8 de junio de 2024

No 3223

РОССИЯ ЦАРЯ И РОССИЯ СОВКА

Иные публицисты видели в СССР полигон по ускоренному пре-вращению крестьян в горожан, а азиатов в европейцев. Если советская гиперурбанизация - несомненный факт, то на тезисе о советской европеизации лежит печать легкомыслия. Потому что в действительности имел место прямо противоположный процесс.

Выделение России в особую цивилизацию весьма и весьма спорно. Антропологические, культурные, религиозные и другие черты русских не дают для этого никаких оснований. Россия - локальный вариант европейской цивилизации, её следовало бы называть субцивилизацией.

Другое дело, что начиная с 1917 г. в России не существует государства европейского типа, а то, что существует, пытается придать культуре и образу жизни страны самый неевропейский характер. Но сначала рассмотрим, что представляла собой Россия до 17-го года, а что - после.

Если попытаться найти сколько-нибудь принципиальные отличия Российской Империи, например, от Австрийской, то окажется, что это просто невозможно сделать. Их не было. Ну, отличалось процентное соотношение германцев и славян, но это не столь важно, поскольку и те и другие - белые христиане, к тому же сильно перемешанные между собой.

А в остальном Австрия была такой же абсолютистской монархией, с женским правлением в "век осьмнадцатый", с крепостным правом, с венграми в роли татар, с гайдуками в качестве казаков на южных границах, где также шла борьба с турками, с чиновниками в мундирах того же покроя, с внешнеполитическими приоритетами на Балканах, с правосудием, которое оппозиция также называла "азиатским", с террористами, покушавшимися на представителей царствующего дома... В общем, всё, что наличествовало в России, вплоть до идеи "Третьего Рима", имело место и в Австрии. И хулители тоже

ПУТИНСКИЙ МИР

Судя по "мирным инициативам Путина", сделанным им накануне швейцарского саммита, РФ собирается вести эту войну долго, до самой Путина смерти, то есть может ещё лет 15-20. Экономическая ситуация всё это время будет ухудшаться, гайки ещё больше закручиваться. Возникнет целое поколение существ, родившихся и выросших во время войны, ничего кроме неё не знающих, с промытыми в школах мозгами.

РФ станет напоминать большой белый Иран. Люди в Первом Мире уже начнут по воздуху летать в аэротакси и с помощью реактивных ранцев, а Спецоперация на востоке Европы в крови, гное и болотах будет продолжаться. Верите ли вы в такое? Я - нет.

А. Григорьев

действовали по шаблону. Только о России говорили, что всё в ней захвачено немцами, а об Австро-Венгрии, что она страдает от засилья славян. Зеркальные империи.

Их и убили почти одновременно. Россию в феврале 1917 году, Австро-Венгрию - в ноябре 1918-го.

Вплоть до падения империй судьбы России и Австрии развивались параллельно. Далее они разительно отличались. Если государства, на которые распалась Австро-Венгрия, сохранились в качестве европейских, утратив свою политическую роль, но не культуру и образ жизни, то Россию постигла иная судьба.

Бунин писал, что во время революции в человеке просыпается обезьяна. Думаю, это универсальное наблюдение. Но в России, где за короткое время произошли сразу две революции, озверение приняло невиданный, абсолютный характер.

Социальную жизнь в одночасье обнулили до первобытного уровня. После чего она стала воспроизводиться по моделям самых примитивных обществ.

Если сжечь помещицы усадьбы, в стране будет голод. Если ввести в Академию Наук явного шарлатана, обещающего превратить рожь в пшеницу, он погубит целые отрасли науки. Если назначить командармами бывших унтеров, переодетых в генералов, армия понесёт страшные лишние потери.

Никаких особых путей развития не существует. При правильной квалификации явлений с них тотчас же спадает ореол уникальности, и всё становится на свои места. Страна, в которой в XX веке на протяжении тридцати лет трижды случается массовый голод с миллионами жертв и нередким каннибализмом - африканская. Эпоха Ленина и Сталина - это время, когда из России пытались сделать Африку. Причём на уровне не окультуренных Ганы или Кении, а впадших в полную дикость Сомали и Зимбабве.

Разумеется, в СССР имело место развитие. С низких стартовых позиций оно обычно идёт быстро. Очень скоро среди безумства африканских страстей стали прорисовываться более спокойные черты. Азиатские.

Самых буйных из "африканцев" азиаты ликвидировали ещё в тридцатых, а после смерти Сталина восторжествовали окончательно. Разнообразных азиатских успехов страна добивалась уже начиная с индустриализации (осуществлённой западными инвесторами), и постепенно достигла всех ядерно-космических радостей, столь милых ирано-индо-пакистанско-китайско-корейским сердцам.

Бюрократия, независимо от происхождения, полностью стилизовалась под среднеазиатских баев (почему-то даже заурядные серые костюмы сидели на этих людях так, что с ними органичнее смотрелись тубетейки и папахи, чем шляпы или береты).

Какую-никакую еду колхозы хоть с грехом пополам, но обеспечивали, культурные запросы населения удовлетворяли индийские фильмы и концерты темпераментных кавказских звёзд, для людей с более изысканным вкусом предусматривалась некоторая возможность заняться переводами с японского. Распространилось увлечение йогой, а позже и каратэ.

Почти никого уже не убивали и не сажали. В принципе, в Азии можно жить. Правда, европеец испытывает от такой жизни чувство, напоминающее постоянную зубную боль. Иногда, во время обострений, хочется лезть на стену, иногда она стихает до терпимого состояния, но полностью не проходит никогда.

В России же, несмотря на все фокусы властей, население никогда не переставало быть европейским. Поэтому, когда началась перестройка, многие ожидали, что произойдёт возврат к естественным для нашего народа нормам жизни. Но не тут-то было.

Когда под звуки ламбады и трансляцию бразильских сериалов Советский Союз распался, на большей его части начался нескончаемый политико-экономический карнавал, так хорошо знакомый по истории Латинской Америки. Власти перестали маскировать колониальный характер экономики страны (после чего их окрестили компрадорами), правые повесили на стены портреты Пиночета, левые надели майки с Че Геварой, Аргентина была про-возглашена примером успешного проведения реформ (вскоре она обанкротилась), урегулирование хозяйственных споров почти официально перешло в руки разного рода bandidos.

Оказалось, что в Европейском Союзе хоть третьесортное место приготовлено только для Прибалтики, а всем остальным придётся наслаждаться самой эклектичной экзотикой у себя дома. Где-то между двумя чеченскими кампаниями по ТВ промелькнул сюжет об ичкерийском военном училище. Стоит офицер (русский), перед ним строй курсантов (вайнахов). Начинается приветствие: "Салам алейкум, товарищи курсанты!" - "Алейкум ассалам, товарищ майор!". Магический реализм по-совковски.

Когда в страну приехал третьесортный писатель Пабло Коэльо, его принял президент. Примерно в то же время кто-то научил демонстрантов сжигать флаги гринго. Позже команданте Даниэль и амиго Уго стали пускать к себе русских без виз...

Все помнят максиму, гласящую, что народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую. Но почему-то лишь немногие дают себе труд подумать эту мысль до конца и понять, что народ, который не захотел содержать свой правящий класс, обречён содержать чужой.

Б. Моравин

НОВАЯ РУССКАЯ РУЛЕТКА

Недавнее празднование очередного «Дня Победы» подтверждает тезис «Левада-Центра» 1994 года - о том, что советский человек самовоспроизводится уже после распада Советского Союза - и никакие внешние, в том числе экономические, наглядности не затрагивают его сознания, не формируют новые политические инстинкты. Становится заметно, насколько это отмирающая культура. Как точно обозначил это психологическое состояние поэт и композитор Борис Гребенщиков: "песни с мёртвыми на ржавом ветру".

Неспособность понять, что "всё изменилось", беззаботность и бесчувствие. Игнорируя реальность, путинская пропаганда, однако, сама же и уничтожает остатки "морального основания" своих геополитических претензий.

Всё это перестаёт "звучать". И язык "Великой Победы" претендует уже не на универсальность, всемирность, как когда-то, а, напротив, является маркером самоотрешённости, выпиливания себя из современности. Попытка праздновать "как нив в чем не бывало" становится, напротив, лакмусом психической неадекватности.

Тем временем, есть ещё один "нюанс", который сильно мешает Российской Федерации гуманизироваться - новое законодательство пущенное в ход с начала вторжения на Украину. Если раньше пойманного преступника ждало неотвратимое наказание, то теперь не ждёт. Любой может своё преступление путем заключения контракта с Министерством Обороны Российской Федерации "смыть" и даже остаться, если повезёт, живым. Может, конечно, и не повезти - это и есть игра в новую русскую рулетку.

А значит, не боясь неотвратимости наказания, убивать и воровать станут больше и веселее. Как там говорил Отец Народов Иосиф Виссарионович Джугашвили - "жить стало лучше, жить стало веселее" после всеобщего ограбления собственников. Воровство это ведь вообще в Совковой Эрефии на самом деле не преступление, а важнейшая часть совковой культуры и оно лежит в основании столетней советской государственности, лидеры которой в юности грабили дилижансы банки. Главное преступление для Совковой Эрефии это, как и все последние сто лет, не воровство, но свободное слово. Совковая власть готова выпускать из своих тюрем только воров и убийц, но ни в коем случае не политических "предателей Родины".

Е. Фокин

ИСКАЖАЮТ ТУРГЕНЕВА

Насколько литературное наследие Ивана Тургенева было искажено «линзой» советского литературоведения? И остаются ли его произведения понятными нынешнему поколению читателей?

Романы Тургенева, в отличие от крупной прозы Достоевского или Толстого, в гораздо большей степени являются достоянием того, что называется историей литературы. Они крепче связаны с «малым временем» жизни их автора и общественных баталий тех лет. Каждый его роман является, говоря словами одного политического деятеля, «чрезвычайно своевременной книгой», но именно для тогдашнего русского образованного общества.

Для тургеневской прозы затруднен прорыв в «большое время» и, в частности, в нашу с вами современность.

К тому же произведения Ивана Сергеевича созданы по схожему алгоритму: героем овладевает некая прогрессивная, однако утопическая идея, в итоге же герой сталкивается с русской жизнью — и терпит поражение. Во всех романах Тургенева обнаруживается нисходящее движение — от весны к осени, от надежды к разочарованию, и зачастую от жизни к смерти. Поэтому более интересны, на мой взгляд, произведения другого жанра — цикл «Записки охотника» (из раннего творчества), из позднего — любимая повесть самого Тургенева «Первая любовь».

Именно там нужно видеть то, что не хотело видеть не только советское литературоведение, но и дореволюционная радикальная журналистика.

Откуда истоки «слепоты» первых и вторых? Они были заложниками собственной мифологии, которую я называю «революционно-демократической». По догмам этой мифологии Ивана Тургенева «проходят» в наших школах до сих пор. В течение всех десятилетий существования Советского Союза они оставались неизменными: Тургенев очень хороший писатель, потому что вёл борьбу с реакционными славянофилами и почвенниками. И в этой борьбе он — либерал-западник — показал себя прогрессивным деятелем. Но поскольку он хоть и западник, хоть и либерал, но всё-таки русский барин, он не желал радикального переустройства (читай — разрушения) Исторической России.

В советской иерархии он занимает промежуточную позицию — между совсем уж «безнадежными» реакционерами и более радикальными, нежели он, революционными демократами вроде Чернышевского и Добролюбова. Такое ему советская наука определила место.

В таком столкновении обнаруживаются курьезные вещи.

Мы открываем академическое издание, вышедшее в свет при Брежневе — «История русской литературы» в четырех томах. Казалось бы — то время уже на излёте. Открываем главу о Тургеневе за авторством Лидии Михайловны Лотман. И видим в сущности те же штампы, что были в первой советской Литературной Энциклопедии начала 30-х годов.

Проф. Иван Есаулов

«Мир праху твоему», Мария Кублицкая!

Открыв электронную почту, получил сообщение от доктора Петра Лукина из Аргентины: «Печальная новость. Волей Божьей скончалась Маша на прошлой неделе. Жаль, была талантливая женщина...».

Наше знакомство с Марией Александровной Кублицкой (родилась 31 декабря 1953 г. в поселке Кибрай Орджоникидзевского района Ташкентской области) состоялось более десяти лет тому назад. В одном из первых писем она сообщила о себе: «В молодости была я - девушка восторженная, гуманитарная. Представляла, как впервые войду в класс, буду учить детей, сеять разумное, доброе, вечное. Диплом московского пединститута, три года работы учителем в Ялте, еще столько же - в Петербурге. Но, разочаровалась в профессии, поняла, что я не учитель, надо искать что-то другое. Это «другое» нашлось в Мемориальном Музее-Квартире А.С. Пушкина на Мойке, № 12: бумаги, книги...».

В 1998 г. решила с двумя мальчиками на эмиграцию в Аргентину. «Вы же знаете, - писала Кублицкая, - в эмиграции многие женщины начинают с мытья полов. И я тоже с этого начинала. Сейчас смеюсь над собой. Дело в том, что я очень плохо умею вести домашнее хозяйство. Наймусь мыть полы - меня через два-три дня выгоняют. Несколько месяцев поработала в булочной - вспоминаю то время, как страшный сон! В этом смысле моя карьера не задалась. К счастью, меня взяли на работу в две русские библиотеки: одна при скаутской школе, там дети занимаются, ставят спектакли на темы русской жизни, вторая - при Доме Чиннов Русского Корпуса. Попала на свои любимые книги, начала приводить в порядок. В чём, в чём, а в книгах я разбираюсь».

Окунувшись в эмигрантское наследие, она задумалась о сохранении бесценных материалов. Первым делом решила написать несколько статей. Благо уже был опыт: «мне кое-за что стыдно, хоть и написано мало. Мой «дебют» был в Симферополе в краеведческом сборнике, это было начало 1980-х годов. Была статья про приезд поэта Фета в Крым к его старому однополчанину Ревелиотти. Мне рассказывали в имении Ревелиотти, как громили его дом, как бросали в реку книги из его б-ки, как рубили рояль, как вскрыли семейный склеп в поисках золотишка и покойников выбросили из гробов. Я, конечно, давно приученная к двоемыслию, про всё это просто не писала, а только лишь вот про склеп, что он был уничтожен «в годы советской власти». Бдительная редакторша вычеркнула и написала: «склеп был уничтожен немецко-фашистскими захватчиками». А я побоялась ругаться. Так и осталось. До сих пор стыдно».

В 2004 г. Мария Александровна опубликовала в «Кадетской Переключке» свою первую «эмигрантскую» статью «Пушкин в Аргентине». Потом началась кропотливая многолетняя работа по со-

ставлению библиографического справочника о русской печати в Аргентине. Скудость сведений об издательской деятельности русской эмиграции в этой стране во многом обусловлена и её изолированностью от других ветвей российской эмиграции — европейской, североамериканской или дальневосточной. Несмотря на то, что здесь собрались представители многих стран рассеяния, регион оказался в стороне от общепризнанных культурных центров. В предисловии к справочнику «Русские книги, изданные в Аргентине. XX век» (Москва: Старая Басманная, 2013. 308 с.) М.А. Кублицкая писала «В Буэнос-Айрес, я открыла для себя новый мир — не только прекрасный южный город, местные обычаи, язык, экзотическую природу, а и мир старой эмиграции, храмов РПЦЗ и русских субботних школ, библиотек и рукописей, пожелтевших фотографий и долгих разговоров, и воспоминаний. Читала запоем и открывала для себя новые, незнакомые имена. Узнавала о до тех пор совершенно неизвестных мне событиях. Искала русские могилы на кладбищах Буэнос-Айреса и записывала имена и даты».

Можно сказать, что Кублицкая составила подробную «биографию» каждой книги, не ограничивая себя жёсткими научными рамками.

Сообщает она и об авторах этой литературы, включая в повествование подробные биографии, интервью, сведения о рецензиях, рассуждения об их творчестве. Некоторые комментарии на первый взгляд могут показаться слишком большими, но интересная информация стоит этого. Примечательно, что исследователь постаралась раскрыть псевдонимы авторов книг, изданных в Аргентине, проявив способности в этой поистине детективной деятельности. Эту книгу вполне можно назвать энциклопедией русской жизни в Аргентине, в которой вся история русских общин этой страны показана, как на ладони.

Марии Александровне посчастливилось напечатать и продолжение своей книги «Русская жизнь в Аргентине» (Пенза: Ваза, 2018. 321 с.). Тираж этой масштабной работы сразу же разошёлся.

Почти каждую неделю получал от Маши (мы быстро перешли неформальное обращение) письма. В переписке она была пунктуальна, на все вопросы отвечала исчерпывающе, щедро делилась информацией, а в последние годы была резка по поводу политики или некоторых действий россиян за рубежом.

Неожиданно состоялась и поездка в Буэнос-Айрес. До сих пор помню многие детали того путешествия. Уже с первых минут на аргентинской земле я почувствовал родную душу в Маше Кублицкой, как будто мы знали друг друга целую вечность. Доброе лицо, высокий лоб, большие очки, чуть полноватая, но энергичная в движениях, она сразу вызвала доверие. М.А. Кублицкая была не только великолепным рассказчиком, но и отличным проводником по русской истории в Буэнос-Айресе. Знакомила со своими героями и единомышленниками. Благодаря ей автор повстречался с доктором Петром Георгиевичем Лукиным, на плечах которого лежит ответственность за

сохранение «Гнезда русскости» - Скаутский Дом. О нём можно было бы написать целую книгу. Перед тем, как дать приют у него дома, Лукин дотошно расспросил Кублицкую обо мне. Поверив, распахнул поистине с русским гостеприимством свои сокровища — библиотеку, которой кстати, заведовала Мария Александровна.

Я с удовольствием смотрел на лица ребятшек, которые ничем не отличались от их сверстников в России. Их было не так много, разных возрастов, но, как говорится, «не мал золотник, а дорог!»

Подбегали к ней и что-то щебетали по поводу прочитанных книжек.

Быстро управившись с книгами, стала помогать сервировать чай.

Огляделся. В зале висел лозунг: «Будь готов за Россию», по стенам портреты деятелей Императорской России и картины, на которых изображена Россия. Тут же беседовал с детьми доктор Лукин, которого можно считать потомственным скаутмастером. Его отец создал в пригороде Буэнос-Айреса русскую школу им. св. Александра Невского.

До сих пор помню детали «Дня Антикоминтерна», который с энтузиазмом провёл многолетний редактор «Нашей Страны» Н. Л. Казанцев, ещё одна легендарная личность. На страницах его газеты регулярно публиковала статьи Кублицкая.

Она старательно знакомила меня с русским наследием в Буэнос-Айресе, мы посещали храмы, где ей открывали все двери, городские достопримечательности, связанные с русской историей. Привела Маша и в свою маленькую коморку, которая насковзь пропитана русской эмигрантской историей: аккуратные папки, лежали рядом с потрёпанными изданиями.

Мне запомнилось Британское кладбище, где лежало немало известных деятелей эмиграции.

Как призналась М.А. Кублицкая здесь она знает биографии 600 эмигрантов. ««Я не владею никакой техникой», - говорила Кублицкая, - так что переписывала надгробия от руки (не фотографировала). Но где могла - везде давала биографические сведения, ссылки на некрологи. Конечно, некрологи собираю, периодически кто-то ищет сведения о родственниках, кто-то для работы, что-то для всех у себя нахожу. Но здесь по кладбищам, особенно отдаленным, одной ходить страшно и даже опасно. Кроме того, известные и «густонаселенные» муниципальные кладбища, как например Чакарита или Сан Мартин, уничтожают могилы после 5 лет. Так что если человек похоронен на Чакарите - то пиши пропало, могилы давно нет. Британское - частное, поэтому сохранность выше, в свое время там покупали участки на 100 лет».

В одном из последних интервью она говорила: «Вы знаете, стариков своих я очень люблю, но... Я постоянно с ними! И у меня здесь нет ровесников, с кем бы я могла общаться. Нету! Из-за этого какой-то слом наступил. Если я не дома - значит, у стариков. Так весь день проходит. Слушаю их разговоры о болезнях и лекарствах, навещаю в больницах, в старческих домах. А эти бесконечные похороны! Мы с одним старичком смеёмся: «Следующее свидание - на Британском кладбище». Это нелегко, я вам серьезно говорю...».

Амир Хисамудинов

ВЛАСТЬ ПОТОМКОВ СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Станет ли нынешняя группировка во главе с чекистами Путиным и Патрушевыми, вместе с потомками, классической новой буржуазией? Или это всего лишь бандиты, сумевшие захватить власть, а Путин – гангстер?

Во-первых, по поводу концепции мафиозного государства. Эта концепция, с одной стороны, для западных аудиторий звучит знакомо.

С другой стороны, позволяет дать освежающий взгляд на нынешнюю политическую систему РФ, которая может помочь западным умам – как тем, кто принимает решения, так и тем, кто на них влияет и кто высказывается в публичном пространстве, – выйти из этого узкого коридора, в котором они все бьются. Либо РФ такая же страна, как и все, со своими интересами, которые надо учитывать, – эта позиция в Германии называется *Rutinverstehert* (“понимающий Путина”). Либо РФ – это новая гитлеровская Германия, Путин – новый Гитлер, исчадие сатаны, их можно только победить, разбив в прах военным образом.

Это ложная дихотомия. И часто одних и тех же людей в этом коридоре бросает от одной стенки к другой, они бьются головой больно и совершенно не могут прийти ни к какому выводу.

Если мы действительно принимаем (а политологически её принять можно) концепцию посткоммунистического, патримонического, криминального государства... Не в смысле государства, управляемого преступниками, хотя публицистически можно и так сказать, а в смысле государства, управляемого по мафиозному принципу. Некоторые политологи называют этот принцип либо клановым, либо политикой... *extended political family* (расширенной политической семьи).

Есть расширенные политические семьи и есть главный *pater familias*, он же *sapere di tutti capi*. То есть отец, распределяющий ресурсы, и глава всех глав, главный мафиози.

Итальянская, сицилийская мафия первоначально – это нечто среднее между кассой взаимопомощи и органом местного самоуправления. Они пользовались определённой поддержкой своих собратьев-сицилийцев, потому что оказывали им некоторые услуги и выступали в качестве правоохранительных органов там, где закон либо до них не доходил, либо к ним был враждебен, потому что они были, например, эмигрантами в Америке и считали, что вся эта среда не учитывает их интересы.

За справедливостью ходили к дону Корлеоне, если не удавалось добиться правды в настоящем суде.

Это объясняет природу народной поддержки такого рода порядков. И позволяет выйти из противоположностей: весь народ любит Путина, весь народ Путина ненавидит. И то, и то – неправда. Граждане пользуются определёнными услугами этого государства, при этом понимая, что оно себя нормами не стесняет: ограбят их и убьют, если это понадобится. Это что касается концепции *mafia state*.

Если мы вернёмся к истории первых богатых семей Америки, то надо признать, что там было много криминала – всякие Рокфеллеры, Дюпоны, Моргань. Первые деньги были очень сомнительного качества. Они называются *gobber*

barons (барон-грабитель). Но их правнуки и внуки вхожи в лучшие дома Лондона. Станут ли потомки Патрушевых, Медведевых, Шойгу настоящей буржуазией в классическом понимании?

Буржуазия, если брать европейскую, несёт ответственность за то, что происходит в стране, и переживает за неё, любит свою страну. Эти люди в РФ передадут ответственность следующему поколению? Или это все временщики?

Бароны-грабители американские и первоначальные бароны-грабители, то есть норманны, ко-торые завоевали Англию, всё-таки пришли на более-менее дикое поле и там себе награбили, насобирали разными нехорошими способами первоначальный капитал. Сегодняшние же отцы и детки в РФ – это потомки советской номенклатуры.

В РФ не произошло никакой смены элит после 91-го года. Просто второй ранг номенклатуры стал первым, третий стал вторым, а кто-то вышел за пределы номенклатуры и сбоку зарабатывал деньги, но тоже посредством связей с государственным аппаратом, государственным бюджетом.

Если посмотреть, сколько в РФ членов КПСС в нынешнем руководстве, а также сколько комсомольских вожак-ов среди первого призыва олигархов (да и не только первого), то видно, насколько эта преемственность сохраняется. Поэтому бароны-грабители РФ не пришли со стороны и не приплыли из-за моря кого-то тут грабить. Они здесь и были. Просто они были уровнем ниже, были мелкими чиновниками, мелкими кагэбэшниками, а стали вот кем. Поэтому трудно себе представить, что их ценности как-то особенно меняются.

Мы видим некоторую когорту “принцев”, сыновей: у Киреенко есть сынок, у Ковальчука сынок...

Марк Галеотти, британский исследователь спецслужб и организованной преступности в РФ, сказал, что главное дело 2020-х годов – это передача активов от отцов детям, а иногда и внукам, и что это крупнейшая передача активов в новейшей истории человечества: это главное, а всё остальное – оформление.

Действительно, нынешние 70-летние и более чем 70-летние правители РФ должны передать именно активы, то есть капитал фактический и капитал политический и административный, следующему поколению. Иногда это их физические дети, иногда нет. Опять же не у всех есть столько детей, не все дети готовы, или могут, или хотят занимать какие-то административные функции. Многие ничего подобного не хотят, а хотят жить в Европе на папины деньги.

Это, кстати, история многократно описанная в литературе, вроде как в “Саге о Форсайтах” или в романе “Будденброки”, когда есть первое поколение – на-живальщики капиталов, волки, потом их дети, а потом их внуки, которые уже либо играют на скрипке, либо болеют какими-то сложными болезнями душевными и совершенно никаким этим делом заниматься не хотят.

Элита всегда склонна воспроизводиться. Если её не убивают физически, то она воспроизводится. В 17-м году смена элиты произошла, – царскую вырубил – а в 91-м

не произошла. Это очень плохо, что не произошла смена элиты, потому что советскость продолжает себя воспроизводить. Трава не скошена, коровы не доены, дрова не рублены, студенты не выучены. Одни не выучены, а другие выучены плохо. Мало того что надо учить заново, так ещё и переучивать.

Если у эмигрантов будет возможность вернуться в РФ и делать там чего-нибудь полезное, то излишняя чувствительность может им помешать: “Ах, рядом ходят люди, которые делали нехорошее”.

Да, ходят. Можно понять людей, которые через такое не в состоянии переступить. Владимир Владимирович Набоков, уехав из Германии, после 45-го года ни разу туда не возвращался. И объяснял это в одном из интервью тем, что опасается случайно пожать руку убийце: “Никогда не знаешь, чем тот или иной твой добродушный сосед занимался несколько лет назад”. Эта мысль приходит в голову, избежать её трудно.

Послевоенная РФ будет крайне дискомфортным и небезопасным местом. Преступность, которая снижалась в течение 15 лет, растёт последние два года и будет только расти. И это ещё никто толком с войны не вернулся. Рост преступности не сводится к тем людям, которые непосредственно воевали, которые ещё вернутся. Когда имеется такой протяжённый фронт, то образуется цветущий рынок оружия, наркотиков, взрывчатки, рабского труда – всего того нехорошего, что продуцирует война. Поэтому проблема сводится не к ветеранам. Но всё-таки это не Вторая Мировая, это не миллионы.

Преимущественно их брали из беднейших регионов. Точнее говоря, они сами приходили оттуда. Не так много из них вернётся. И уж точно мало кто из них вернётся в университетскую аудиторию. Да, там будет опасно. Много народа на этом трансформационном этапе лишится головы, ещё больше людей лишится репутации. Это тот выбор, который обычно бывает в сказках: налево пойдёшь – коня потеряешь, направо пойдёшь – голову потеряешь, прямо пойдёшь – неизвестно, что случится.

Путин держится за власть потому, что больше ничего ему не остаётся, альтернатива – только суд в Гааге? Или всё-таки он хочет быть вершителем судеб и писать историю современной Европы?

Все диктаторы единственным смыслом своего существования имеют удержание власти. Не потому что они специфически чего-то боятся, а потому что это их *modus vivendi*. Советская или унаследованная от советской власти система предполагала, что уход с начальственной должности – это такое резкое падение социального статуса, что оно действительно подобно смерти. Дело не в том, что тебя обязательно посадят или убьют. Путина как-то спросили, как он себе видит жизнь после, кем думает работать после президентства. На что он ответил: “На печке буду сидеть”.

То есть, когда ты перестаёшь быть начальником, ты садишься на печку, и там дальше, тебя твои благодарные родственники постепенно перестают кормить, потому что ты уже не работаешь. По этой причине все стремятся сидеть до смерти. Ректор вуза, директор театра, глава любого учреждения

понимает, что как только он перестанет быть начальником – его социальная жизнь на этом закончена. В РФ нет достаточно разнообразной социальной ткани, которая позволяет переходить с одного места на другое, не становясь бывшим человеком. В Америке это называется *revolving doors* (вращающиеся двери), и это часто осуждают, когда люди переходят из бизнеса на государственную службу, из государственной службы в бизнес: ты был чиновником, а потом пошёл в “консалтинг” и там продаёшь свои накопленные компетенции уже за другие деньги. Потом опять возвращаешься. Или избираешься куда-нибудь.

Перестаёшь быть президентом, идёшь работать в университет, читать лекции тоже за большие деньги, книжки издавать и гонорары получать. То есть социальная смерти с тобой не происходит.

В РФ такого ничего нет. Либо ты начальник, либо ты никто. И эта закономерность воспроизводится не только на самом высоком уровне, но и на всех уровнях ниже.

А теперь об Алексее Навальном. Почему он погиб? Навальный настолько уже жил в присутствии прекрасной России будущего, о которой говорил, что она ему казалась не надеждой, не мечтой, а реальностью. Про Навального говорят его соратники и его поклонники, что он верил в русский народ и в перемены. Он любил Россию, это правда. В нём было добродушие, которое бывает в крупных людях – крупных физически и крупных морально, он был не злобный. При этом он был пламенный публицист, любил “зарубиться” с кем-нибудь и мог страстно обличать, но он был не злой человек. Эмоция злобности не была для него органична. У него был светлый взгляд на людей... видимо, людские пороки казались ему скорее смешными, чем вызывающими отвращение.

Навальный настолько уже жил в присутствии прекрасной России будущего, о которой говорил, что она ему казалась не надеждой, не мечтой, а реальностью: вот она – рукой подать, она недалеко. Это окрашивало всё, что он говорил и делал. Действительно, на таком уровне благодушия в полном смысле этого старинного слова, какого-то блага души, которое у тебя есть, на нём трудно оставаться. Многие втайне надеялись, что рано или поздно Навальный станет неким Манделой, выйдет из тюрьмы, с ним связывали надежды. Когда спрашивали при его жизни, зачем он вернулся, правильно ли он сделал, было ли это политической ошибкой или, наоборот, каким-то очень правильным политическим шагом, ответ лежал не в области политики, но в области биополитики. Прав будет тот, кто переживёт, кто жив останется. Если он останется жив и в тюрьме встретит смену режима или такое ослабление режима, что он сможет выйти из тюрьмы, то окажется, что он был прав и всё сделал так, как надо было делать. Если нет, то нет.

Оказалось, что нет. Видимо, это простое рассуждение пришло в голову чекистам и на его основании были приняты решения. Теперь его не стало. Его организация после него плохо себя чувствует, по-разному себя проявляет. Тут тоже время может погубить, может вылечить, люди могут найти какую-

то новую интонацию, новое место для себя. Те, кто пришел на смену, могут накопить, заработать свой собственный политический и моральный капитал, но, может быть, и нет. Пока это чистая потеря, чистая утрата без каких-либо компенсирующих элементов.

В романе Набокова "Дар" герой переживает потерю своего отца, который уехал в экспедицию и не вернулся. От него больше не было никаких известий. Он понимает, что, скорее всего, отец погиб, потому что уехал в 1916 году, но при этом живёт в присутствии надежды, что когда-то вдруг отец вернется или даст о себе знать. Герой размышляет о том, надежда ли на чем не основана, но когда её отбирают, ты видишь, что нельзя от неё избавиться, не проделав в жизни дыры, пишет Набоков. Эта дыра в жизни, на месте которой у тебя была иррациональная надежда, — это то, что ощущаешь, когда происходит то, что, скорее всего случится, но всё-таки не то что думал — а вдруг повезёт, но как-то жил в присутствии этой надежды, а теперь её нет. Ты узнаешь, что она была, только когда у тебя её отбирают.

Форум Свободной России провёл международную конференцию в Варшаве, где заявил: "Готов создавать армию освобождения". Один из фронтменов этого форума — Гарри Каспаров. Что думать по поводу этой идеи создать "армию освобождения России"? Сам-то пойдёт Гарри Кимович в пулеметчики или куда там? Мы можем судить не о намерениях, мы можем судить только по аналогии, сравнивая с теми инициативами подобного же рода, которые уже существуют. Пока, легион "Свобода России" является исключительно инструментом для того, чтобы ФСБ заводила уголовные дела и сажала людей на очень большие сроки. Какие-то несчастные, в

основном очень молодые люди в интернете ищут связи с этим легионом, выходят с ними на связь, им передают какие-то задания или начинают с ними коммуникацию, после этого приходит ФСБ — и они садятся на 20 лет. И всё.

Это не путь. Если это не намеренно созданный инструмент для того, чтобы у ФСБ следственная работа шла шустрее, то, по крайней мере, де-факто он таким служит. Никаких других функций у него не видно. Может быть, Гарри Кимович Каспаров как-нибудь по-другому видит. Но пока иных примеров у нас нет.

Как же всё-таки заставить людей обратить внимание на то, что произошла страшная трагедия и в этой трагедии с помощью налогов, зарплат и так далее принимали участие десятки миллионов россиян? Как им внушить, что это была катастрофа?

Люди над дымящимися могилами жили, строили там что-то, выживали, детей кормили и так далее, и как-то их особо не беспокоило, что Ленин, Сталин и их присные, оказывается, шестьдесят миллионов русских поубивали.

Потом проходит 30 лет, внуки их смотрят телевизор и говорят: "Батюшки, сватушки! Что ж тут наворотили-то?! Опять же не мы, а дедушка". Потому что про родителей трудно это осознать, про себя невозможно, а про бабушек и дедушек худо-бедно как-то можно.

Ужас в том, что у нас, может быть, только подходил тот исторический момент, когда это осознание могло прийти относительно советской власти, и тут нам ещё сверху бетонной плитой по голове шандарахнуло. Теперь, опять же как в сказке, ещё ждём 30 лет, пока внуки вырастут и чего-нибудь осознают.

Д. Карамышев

По Македонии (отрывок)

Рядом с сербом оказался русский беженец, только что севший на промежуточной станции. — Вы из Белграда? — Да. А вы? — Из Чуприи.

Рассвет уже давно кончился, солнце не только разогнало очарование перехода от ночи к дню, но начало грубо проявлять свою летнюю липкую ласку. И мы с соседом из Чуприи разговорились.

— Я-то сам не чуприйский, — стал объяснять мне он, когда я заинтересовался жизнью в этой колонии. — Мое место службы, знаете, на юге — Около Скопье. Но на день святого Владимира мне приходится теперь уезжать в Чуприю к родственникам, чтобы окончательно не разориться.

— А почему день Владимира так разорителен? Беженец улыбнулся, вздохнул, взглянул искоса на серба.

— Если бы вы знали, что со мною случилось в прошлом году! — грустно произнес он. — Получаю я в месяц 1200 динар... Не много, понимаете сами. И вот, прошлым летом дернула меня нелегкая устроить на свои именины «славу». В 1922 году, надеясь на падение большевиков, кое-как я еще уклонился: объяснил знакомым сербам, что у русских слава не празднуется; но в 1923-м стало уже неловко: нельзя, в самом деле, к другим на славу ходить, а к себе не приглашать! Взял как-то и открыл аптекарю, что слава моя 15 июля по старому стилю. И влопался. Подходит 15-е, а аптекарь говорит: «я помню, брат, помню. Приду непременно поздравлять». А за ним срезский начальник: «Володя, хотя мне нужно ехать в срез по делам, но ты не бойся, аптекарь мне рассказал. Я обязательно буду у тебя». А затем коллеги по гимназии, купцы, телеграфисты,

почтальоны, жандармы... Как пошли предупреждать! Весь город всполошился. Сели мы с женою, задумались: что теперь будет? «Бежим, — говорит жена. — бежим лучше куда-нибудь на завтра. Как раз воскресенье, можно в Скопье, например, съездить». «Машенька, — отвечаю я, — что ты говоришь глупости? Куда нам бежать, когда все карты раскрыты?»

Наступило пятнадцатое, то есть по новому двадцать восьмое. Накрыла бедная Машенька стол, раздобыла посуду, стулья, разложила тарелки, закуски, бутылки... И не сообразили мы самого главного: что сажать во время славы гостей к накрытому столу — чистое безумие.

В семь часов утра пришел первый гость — почтмейстер. Если бы мы ему дали по сербскому обычаю рюмку ракии, ложку варенья и чашку кофе, он посидел бы пять минут и благополучно ушел. Но накрытый русский стол — дело другое. К девяти часам кроме почтмейстера за столом уже прочно сидело 16 человек — на стульях, на ящиках, на модонах. К 11 часам квартирка моя гудела, как улей. А к двум часам дня, когда в третий раз все было уже съедено и выпито, жена через окно в кладовой незаметно сбежала к знакомым и бросила меня на произвол судьбы.

Пятнадцати лавочникам я задолжал в этот день около четырех тысяч динар, выплачивал долг целых восемь месяцев. А жена оказалась настолько потрясена, что младший сынок наш Митенька родился после славы неожиданно на полтора месяца раньше времени, и что теперь выйдет из этого несчастного мальчугана — один только Бог знает!..

А. Ренников

СТАРООБРЯДЦЫ И ПАТРИАРХИЙЦЫ

В девяностых-нулевых годах я был дружен со многими из старообрядцев, хотя себе в духовники выбрал в итоге представителей Русской Православной Церкви Заграницей и греческих старостильников.

Антропологически русские старообрядцы другие, не похожи на патриархийные. Во-первых, они все сплошь подтянутые и худые, во-вторых, с вытянутыми, а не круглыми, черепами и лицами, в-третьих, они не обманывают в делах, не лицемерят и не врут, и даже по-другому физически пахнут, не так, как патриархийные. У них крепкие семьи, хорошие дети. Согласия их, конечно, отличаются друг от друга, но в целом все они иные, "альтернативные русские", и это хорошо, когда есть что-то советской биомассе альтернативное.

Разумеется, сейчас они никто, не то, что до революции, но хотя бы антропологию свою сохранили.

Быть может, они, как сохранившие хотя бы

антропологию, станут, наряду с русскими эмигрантами и русскими релокантами, опорой Европы в деле будущей реконструкции России. Во всяком случае, в бизнесе им и германцам не было в исторической России альтернатив. "Альтернативы" повилазили (из цугундеров) только в эпоху первого НЭПа и нынешнего.

Наше грядущее Новое Средневековье это, в числе прочего, торжество сетевых структур над иерархическими. Для христиан, конечно, это будет возвращением даже не в средневековье, а прямо в античность — в докостантиновскую реальность с её выборностью епископата и бесконечной обособленностью, цветущей сложностью и разнообразием христианских общин, христианского мира.

Некоторые крайние толки старообрядцев казались мне тогда всё-таки немножко экстремистами — они выбрасывали посуду, тарелку и ложку никониан, которых перед этим у себя в доме накормили.

Но с возрастом я и сам стал брезговать нынешней господствующей в РФ советской "церковью" практически в такой же мере. Накормить голодных — накормлю, но нельзя упрекать людей в боязни оскверниться совместной трапезой с этими православными коммунистами, в самом деле.

Как сказал один парижский архиепископ, "я предпочту омофор Далай-Ламы омофору патриарха московского" и это понятные слова, потому что даже ламаисты православнее патриарха чекистского — как человек, который жил в Индии и Непале и посещал буддистские монастыри, я могу это засвидетельствовать лично.

Тибетские ламы, имевшие столько горя от китайских коммунистов, держались по отношению к ним совсем не как жрецы Сталина и Мамонны патриархийные. То же, кстати, касается китайских и русских католиков, а так же греческих православных новостильников — они бесконечно духовно здоровее чекистского духовенства, в морально-

нравственном смысле лучше и выше. Патриархийные же попы это просто разделённые в себе шизофреники, "за Бога и Советскую Власть", и они редко происходят из священнических династий, и вообще не часто имеют хотя бы минимальное образование, манеры и обращение.

В 1930-1980-х годах они дружно стучали в органы на непоминающих и даже на своих прихожан, в 1990-х пошли на поклон к вора и бандитам, в нулевых "отжали" с помощью спецслужб и дипломатов РФ церковную собственность на Святой Земле и в Европе, захватив половину приходов Зарубежной Церкви. Ну а в наше время оправдывают и освящают грабежи и убийства православных соседей на Украине. Опасные звери.

Тут уж не просто тарелку выбросишь, но даже не зайдёшь с ними в один лифт чтобы случайно их, народно-трудовых советских попов, беснованием не заразиться.

А. Рейнеке